

УДК 008

Культурное наследие и культурная память: региональные срезы

Гун Галина Евгеньевна

Доктор культурологии,
кандидат философских наук,
доцент,
кафедра философии, культурологии и социально-гуманитарных дисциплин,
Магнитогорская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки;
455036, Российская Федерация, Магнитогорск, ул. Грязнова, 22.
e-mail: filosof_gun@mail.ru;

Аннотация

Автору показалось важным показать роль культурной памяти в культурном наследии применительно к культурному наследию регионального уровня. В статье показано, что памятники регионального значения должны выступать не только объектами культурного наследия, что выражается в их официальной атрибуции и охране силами государства. Необходима идущая от самого общества мемориализация в восприятии региональной культуры, которая делала бы исторические памятники в первую очередь объектами живой культурной памяти, основой региональной идентичности и локального самосознания. Автор показывает, что для сохранения культурного наследия регионального уровня исключительно важно, чтобы памятники являлись не только и не столько объектами официально атрибутированного культурного наследия (что, безусловно, ценно). Необходима идущая от общества мемориализация регионального самосознания, при которой исторические объекты становились бы объектами живой культурной памяти.

Для цитирования в научных исследованиях

Гун Г.Е. Культурное наследие и культурная память: региональные срезы // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 4А. С. 81-87.

Ключевые слова

Культура, культурное наследие, память, культурная память, мемориализация, регион, культурное наследие регионального уровня, объекты культурного наследия, объекты культурной памяти.

Введение

Интерес общества к культурному наследию, запечатленному в материальных и нематериальных его проявлениях, и к проблемам памяти очевиден. В российских реалиях отношение к прошлому, являющееся важнейшей частью локальной идентичности, имеет дополнительное измерение и сложность.

В нашей статье под культурным наследием мы будем понимать материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, составляющие основу существования культуры и имеющие значение для будущего. При этом сошлемся на Е. Н. Селезневу, которая подчеркивает, что «при широком использовании в теоретическом и практическом контексте это понятие до сих пор не имеет четкого определения». И далее замечает: «Несмотря на то, что содержание понятия “культурное наследие” остается неопределенным, оно широко используется в рамках специализированных научных дисциплин (музееведения, памятниковедения, истории и теории культуры, краеведения, культурологии и др.), а его значение варьируется от выделения объектов, признанных в качестве культурных ценностей высшего порядка в мировом масштабе, до включения всех артефактов прошлого» [Селезнева, 2004, 8-9]. Наиболее удобным является юридическое толкование, которое используют чаще всего. Согласно «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия», ставшей основой законодательной нормы РФ, таковым признаются: «Памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, ансамбли и достопримечательные места, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки» [ЮНЕСКО..., www].

Основная часть

Понятие культурного наследия сопряжено с понятием памяти, которое трудно верифицируемо и имеет много определений, поскольку концептуализирует сложное явление. Вся терминология памяти характеризуется многозначностью.

Общественное и индивидуальное сознание осуществляется посредством памяти, осмысление и интерпретация настоящего невозможны без памятования, устремленность в будущее тоже опосредована памятью. На основе накопленного индивидуального и коллективного опыта, с учетом законов функционирования памяти человек и общество интерпретируют настоящее и ориентируются в новых явлениях.

В психологическом аспекте память обычно определяют как сохранение информации о прошедшем и как способность ее воспроизводить. Человеческая память представляется особым её видом, поскольку, воспроизводя прошлое в настоящем именно как прошлое, она как активная психическая сила превращает воспоминания в духовную энергию [Национальная философская академия..., www].

В историческом и культурологическом смысле понятие «память» употребляется в значении «общий опыт, пережитый людьми совместно». Концепты «коллективная память», «социальная память», «коммуникативная память» и «культурная память» терминологически детализируют сложность и многомерность явления. Граница между ними не всегда четко очерчена.

Широко употребляется понятие коллективной памяти, обозначающее комплекс разделяемых отдельным сообществом мифов, традиций, верований и представлений о прошлом. Как особый вид коллективной памяти трактуется историческая память. Как сложный

социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта, она чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти, - с одной стороны, а, с другой, - как символическая репрезентация прошлого, как часть исторического сознания общества.

Р. Коллингвуд рассматривал проблему памяти в контексте теории исторического познания. Указывая на несостоятельность теорий, основывающих историю на памяти, он подчеркивал независимость истории от памяти как таковой. Он пишет: «Память как таковая — всего лишь мысль, протекающая в настоящем, объектом которой является прошлый опыт как таковой, чем бы он ни был. Историческое знание — это тот особый случай памяти, когда объектом мысли настоящего является мысль прошлого, а пропасть между настоящим и прошедшим заполняется не только способностью мысли настоящего думать о прошлом, но и способностью мысли прошлого возрождаться в настоящем» [Коллингвуд, 1980, 231]. В концентрированном виде концепция истории и памяти Р.Коллингвуда операционализирует память как «мысль, протекающей в настоящем» [Коллингвуд, 1980, 280], которая относится к историческому знанию как особому случаю памяти и одновременно является формой опыта и рефлексии по поводу него. Историческая мысль о прошлом возрождается в настоящем, тем самым воплощая идею «живого прошлого, живущего в настоящем» [Коллингвуд, 1980, 294].

В 1990-е гг. вводится понятие «культурной памяти», в котором зафиксировано социокультурное её измерение, акцентирована взаимосвязь культуры и социальной жизни в исторической перспективе. Это переориентировало традиционную проблематику социогуманитарного знания в направлении историко-мемориальной парадигмы.

Я. Ассманн в рамках научного направления «история памяти» описывает коммуникативную и культурную виды памяти и проводит принципиальное различие между ними [см. 8]. Коммуникативная память, по его мнению, мало формализована, она представляет собой устную традицию, возникающую в повседневной жизни в процессе межличностных взаимодействий. Это — «живая память» о непосредственно пережитом, носителями которой являются непосредственные участники событий. Она возникает в процессе повседневного межпоколенного общения и существует на протяжении жизни трех - четырех поколений. Напротив, культурная память понимается как особая символическая форма актуализации и передачи культурных смыслов, выходящих за рамки повседневного опыта отдельных людей или групп. Она сохраняется традицией, имеет высокую степень формализованности и выражается в мемориальных знаках (например, в памятных местах, датах, церемониях, памятниках). Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает наиболее значимое прошлое — мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции для общества [Assmann, 1992, 21].

Именно этот вид памяти нам интересен, поскольку существование культуры, её повседневные практики невозможны без мемориальной проблематики. Некоторые её проблемные зоны весьма болезненны для российского культурного поля. Практика государственной атрибуции и институализации памяти и её общественного осмысления сопряжены весьма сложно, если не сказать драматично.

Общество хочет помнить и это очевидно. Об этом свидетельствуют и бурный интерес к генеалогическим изысканиям, и повышенный интерес к архивам, и возобновившаяся привязанность к «наследию». Срез общества современного Российского общества даёт нам сложную куртину представлений разных поколений о том, что и как нужно помнить. Очевидно только одно – запрос на память существует. Неслучайно большую популярность получили

фильмы «Легенда номер 17» (2012г. режиссёр Н.Лебедев), «Движение вверх» (2017г., режиссёр А. Мегердичев), в которых показаны исторические достижения советских спортсменов. Популярными оказались фильмы «Салют-7» (2017г., режиссёр К. Шипенко) и «Время первых» (2017г., режиссёр Д.Киселев) о космических достижениях СССР, вызывающие чувства принадлежности к великой Родине и гордости за неё.

Народными практиками конструирования мемориальности выступают спонтанно возникающие мемориалы и места памяти. Например, в последнее десятилетие центры крупных городов стали местами такого мемориально-урбанистического творчества жителей. Люди противостоят укорененным институтам, захватывая площади, скверы, улицы и другие части городского пространства для формирования новых локусов памяти. Есть официальные памятники и праздники, которые не приживаются в сознании граждан. Одновременно существуют памятники, которые, несмотря на идеологическую несовременность, становятся любимыми объектами жителей. Во многих городах местом фотографирования молодоженов являются памятники В.И.Ленину. Подобные спонтанные народные практики мемориализации встраивают официальные памятники в другой контекст. Этот и другие примеры низовой мемориализации свидетельствуют о прорастании общественного сознания в сфере памяти.

С другой стороны, параллельно существует официальная, транслируемая властью память. Власть предпринимает усилия, чтобы доминировать в этой области общественного сознания и использует память как идеологический ресурс относительно мягкого действия. Официальная политика мемориальной направленности предполагает пересмотр существующих версий истории, многочисленные мемориальные мероприятия, появление разнообразных музеев и т.п.

Как мемориальные коллизии взаимодействия общественной и официальной памяти преломляются на региональном уровне? Насколько официальная институциональная сторона мемориализации, воплощенная, в частности, в культурном наследии, соответствует реальной коллективной памяти. Насколько адекватны конкретные формы её закрепления и предъявления в форме атрибутированного культурного наследия?

Представляется, что для регионального и локального измерения российской действительности сопряжение понятий культурного наследия и культурной памяти имеет разрешение, отличное от способа их соотнесения, когда речь идет о культурном наследии мирового и федерального. Для повседневных практик памятования регионального уровня важно, чтобы охраняемые памятники являлись не только объектами культурного наследия (что в первую очередь выражается в их официальной атрибуции и официальной охране силами государства), но и выступали средоточием настоящей, идущей от самого общества мемориализации, выступали объектами живой культурной памяти местных сообществ. Это исключительно значимо для региональной культуры, региональной идентичности и локального самосознания.

Обратимся к историческому наследию Южного Урала, представляющему особый тип культуры и являющемуся в первую очередь феноменом регионального культурного наследия. В Едином государственном реестре объектов культурного наследия Российской Федерации состоит 780 объектов, расположенных на территории области, и только 21 из них имеют статус объектов федерального значения. Аркаим, мавзолей «Кесене», завод «Пороги», Ильменский заповедник, Капова пещера, Сикияз-Тамакский пещерный комплекс. Таков перечень известных за пределами области объектов, ставшими историческими и культурными символами региона. Нематериальным культурным наследием являются уникальные региональные художественные промыслы – каслинское литье и златоустовская гравюра на стали. Это – лишь малая часть

исторических и культурных памятников региона. Сохранились объекты муниципального уровня. Это - дома известных земляков или простых местных жителей, исторические общественные здания, бывшие заводские строения и культовые сооружения. Это - такие памятники, как усадьба заводладельцев Демидовых в г. Кыштыме, церковь-ротонда в г. Миньяре, Троицкий (Уйский) собор в Троицке. Как бы ни гордились жители области своей историей, приходится признать, что значительная часть культурного наследия регионального уровня известна мало. Зачастую речь идет о плохо сохранившихся, сильно разрушенных или никогда не реставрированных объектах. Между тем культурная жизнь провинциальных городов связана именно с этими многочисленными памятниками, поскольку для жителей они олицетворяют историю, питают патриотические чувства, связывают отдельного человека с историей и культурой его малой родины, олицетворяют её и составляют основу локальной идентичности.

Отдельной страницей культурной истории Урала являются города-заводы, сформировавшиеся в логике индустриально ориентированной урбанизации и являющиеся специфическим типом поселения в регионе. Сегодня сохранность исторических городов-заводов, их самобытность и идентичность под угрозой. Конечно, требуется работа по идентификации объектов наследия и практической реализации возможностей их разумного культурного использования. Но исходной точкой такого процесса должна быть непрекращающаяся работа местного сообщества по осознанию ценности своей истории и запечатлевших её памятников. Необходима работа по культивированию региональной культурно-исторической памяти. Нужно бороться не только за сохранность объектов культурного наследия, но и за «активность», «деятельность» культурной памяти на региональном и местном уровнях. Если в масштабах страны официальность культурного наследия приоритетна, то на уровне региона модель «культурное наследие – культурная память» переворачивается и приоритетной становится культурная память, объекты которой могут быть даже не формализованы и атрибутированы как наследие.

Думается, что абсолютизация коммерчески ориентированной стратегии актуализации культурного наследия, когда оно трактуется как товар, применительно к объектам регионального уровня не всегда реализуема и оправдана. Популярная теория коммодификации наследия, являющаяся основой современных подходов к его менеджменту, в российских реалиях должна быть существенно переработана или, как минимум, очень осторожно и фрагментарно использована. Вероятно, она не может быть полноценно адаптирована к российским реалиям.

Заключение

Пошаговая постановка и поэтапное разрешение задач атрибуции объектов культурного наследия на региональном или местном уровнях не теряет своего значения. Но ей предшествует и сопровождает её общественная работа по осознанию мемориальной ценности объектов. Включение объекта в российские турпотоки не всегда должны быть главными целями этого процесса.

Повторимся, нам кажется исключительно важной роль культурной памяти в культурном наследии в режиме повседневных практик сохранения исторических памятников и формирования отношения общества к этим процессам. Для культурного наследия регионального уровня важно, чтобы памятники являлись не только и не столько объектами

официально атрибутированного культурного наследия (что, безусловно, ценно). Необходима идущая от общества мемориализация регионального самосознания, при которой исторические объекты становились бы объектами живой культурной памяти.

Библиография

1. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen. München, 1992.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980 С. 345.
3. Национальная философская энциклопедия. Электронный ресурс <http://terme.ru/termin/pamjat.html>.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // «Неприкосновенный запас». 2005, №2-3(40-41).
5. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
6. Сайт ЮНЕСКО. Электронный ресурс <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru>.
7. Селезнева Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: дисс. ... д. филос. н. М., 2004. 228 с.
8. Словарь Академик. Электронный ресурс <https://official.academic.ru/10753>
9. Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей – 2001. М., 2001. С. 176-198.

Cultural heritage and cultural memory: regional sections

Galina E. Gun

Doctor of Cultural Studies,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor,

Department of Philosophy, Culturology and Socio-Humanitarian Disciplines,
Magnitogorsk State Conservatory (Academy) named after M.I. Glinka,
455036, 22, Gryaznov st., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: filosof_gun@mail.ru;

Abstract

It seemed to the author that it was important to show the role of cultural memory in cultural heritage in relation to the cultural heritage of the regional level. The article shows that monuments of regional importance should act not only as objects of cultural heritage, which is expressed in their official attribution and protection by state forces. It is necessary to carry out from the society itself a memorialization in the perception of regional culture, which would make historical monuments primarily objects of living cultural memory, the basis of regional identity and local identity. The author shows that in order to preserve the cultural heritage of the regional level, it is extremely important that the monuments are not only and not so much objects of officially attributed cultural heritage (which, of course, is valuable). It is necessary that the memorialization of regional self-consciousness proceeding from society, in which historical objects become objects of living cultural memory.

For citation

Gun G.E. (2018) Kul'turnoye naslediye i kul'turnaya pamyat': regional'nyye srezy [Cultural heritage and cultural memory: regional sections]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (4A), pp. 81-87.

Key words

Culture, cultural heritage, memory, cultural memory, memorialization, region, cultural heritage of the regional level, objects of cultural heritage, objects of cultural memory.

References

1. Assmann J. (1992) Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen. München.
2. Eksle O.G. (2001) Kul'turnaya pamyat' pod vozdeystviyem istorizma // Odissey – 2001. M., 2001. pp. 176-198.
3. Kollingvud R.Dzh. (1980) Ideya istorii. Avtobiografiya. M., p. 345
4. Natsional'naya filosofskaya entsiklopediya. <http://terme.ru/termin/pamjat.html>.
5. Nora P. (2005) Vsemirnoye torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyy zapas». 2005, №2-3 pp. 40-41
6. Repina L.P. (2003) Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskiye zametki).– M.: GU VSHE, – P. 44.
7. Selezneva Ye. N. (2004) Kul'turnoye naslediyе Rossii v politicheskikh diskursakh 1990-kh godov: diss. ... d. filos. n. M., p. 228.
8. Slovar Akademik <https://official.academic.ru/10753>
9. UNESCO <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru>